

**“Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда”.**

АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА Есенина, сестра поэта, в своих воспоминаниях пишет, что “первым из советских писателей в село Константиново в июне 1936 года приехал Петр Иванович Замойский. Он хотел увидеть те места, где зародился талант поэта, где привилась любовь к родине, которую он пронес через свое творчество”. Это мой отец. В поездку на родину Есенина он взял меня с собой. Мне было шесть лет, но странное дело, очень многое запомнилось. От причала мы долго взбирались на крутой берег Оки. Он казался нескончаемым. И вдруг вдоль откоса возникло село Константиново с его уютными домиками. Есенины жили на противоположной стороне села, за которой до горизонта тянулись рязанские поля. За домом был большой сад, и я помчался туда. Соседская девочка пригласила залезть на старые вишни и собрать загустевшие натеки сока на стволы. Это были рослые владимирские вишни. Позже они вымерзли, их вырубил и заменил другими. Но тем, новым, так и не суждено было стать вровень с прежними гигантами, подарившими нам, детям, жвачку, с которой не сравнится нынешняя синтетика.

С деревьев мы перетекли в огород, обнаружив клубнику. Тут появился юноша, который выбирал нам ягоды покрупнее и поспелее. В разгар пиршества мы услышали голос: “Юрка, ты чего тут написал?” — “А чего, бабушка? Татьяна Есенина, стучать три раза.” — “Ах, охальник. Что ты натворил!” — “Я хотел помочь, бабушка. Ты же сама говоришь, что ничего в смерти страшного нет. Надо к ней готовиться заранее. Вот я на твоём гробу и написал.” — “Зачем?” — “Как, зачем? Ты же с богом встретиться хочешь? А он всевидящий. Как увидит мою надпись, постучится. У околицы побалакаете и разойдется”.

В сених дома мы видели гроб. Петр Иванович Ильин, муж Шуры Есениной, выговаривал теще: “Мать, убрали бы вы гроб. Гостей перепугаете”. “А что в нем такого? Все мы смертны. Вот я его и заказала. Меньше будет хлопот. И приданое приготовила, тапочки, носки”.

Петр Иванович при этих словах бледнел. Его преследовала язва желудка. Он и лекарства принимал, белую глину — каолин — ел, спирт пил, чтобы язва зарубцевалась. Но боль не отпускала. Речи о смерти и затея с гробом ему не нравились. Но переубедить Татьяну Федоровну, женщину крутую, как бы сейчас сказали, было трудно. Вот Юрка, он же Георгий, сын Сергея Есенина, парень озорной, и подшутил. Бабушка, по лицу было видно, и гневалась на него, и с трудом сдерживала смех. Юрку она любила и долго сердиться не могла. Так или иначе, на следующий день гроб перекочевал в амбар. (Там он и пролежал всю войну).

А к вечеру мы отправились на рыбалку. Долго гребли по Оке, переправились на песчаный берег. Взрослые нацепили лягушек на шесть удочек с колокольчиками, в расчете, что на них клонет сом, воткнули удилища в мокрый песок у самой воды. Потом достали закуски и выпивку, веселились, красиво пели. А позже всех сморил сон. Среди утихшего табора я лежал, прислушиваясь — не клоннул ли сом в эту безветренную ночь. Река слегка урчала на быстринах. Вдалеке почавкивали собаки. Над головой сверкали звезды. И вдруг я с замиранием сердца услышал, как явственно звякнул колокольчик. Потом снова!

— Сом! Сом попался!

Рыболовы вскопили, бросились к удочкам. Лески ходили ходуном. Колокольчики звенели то здесь, то там. Вода бурлила, в ней носилось что-то темное. Каждый ухватился за свое удилище, и на песке оказался сом. Дома его взвесили. Он потянул на четыре кило. Позже его приготовили, и по саду раздался твердый голос бабушки, матери Сергея Есенина, созывавший всех есть уху.

Рыбалка мне, естественно, запомнилась ярче всего. А вот Александра Есенина эти же дни описывает так: “Подолгу разговаривал Петр Иванович с нашей матерью, спрашивал ее о детстве Сергея, знакомился с жизнью и прошлой, и настоящей наших односельчан, а мы с мужем старались показать ему наши окрестности. Мы бродили по полям, карабкались по прибрежным холмам, катались на лодках.

Помню день 26 июня. В этот день мы ходили далеко в луга на другой поворот Оки ловить рыбу. Ловили мы в тех местах, где мы когда-то ловили рыбу с Сергеем. Но клев был неважный и мы ушли ловить в Старицу.

В тот день стояла чудесная, тихая погода. В зарослях ивняка, растущего по берегам Старицы, раздавались щебетня и пение пер-

Яков Блюмкин взревновал Есенина к своей жене, грозился убить...

натых жителей, а на зеркальной поверхности воды, как будто кем-то разбросанные, белели цветы лилий. Их было так много, и они были так красивы, что Петр Иванович не мог устоять от соблазна — нарвать их. Он разделся и поплыл за ними. Вернувшись с

букетом лилий, он преподнес их мне, а я, вспомнив, что это день рождения Петра Ивановича, преподнесла эти лилии ему. В момент, когда я вручаю ему им же сорванные лилии, Нина Павловна щелкнула фотоаппаратом. Снимок этот сохранился у нас до сих пор. Сохранилась эта фотография, которую сделала мама, и в нашей семье. Памятный снимок. Ведь отцу в тот день исполнилось сорок лет”.

СУДЬБА так распорядилась, что в Москве мы жили недалеко друг от друга. Сначала отцу дали две комнаты в общей квартире в проезде Художественного театра (Камергерский переулок). Есенины жили в Брюсовском переулке, ныне улица Неждановой, почти напротив. Я частенько забегал туда поиграть с Шуриком, сыном Шуры Есениной и Петра Ильина, с их дочерьми — Таней и Светланой. Затем, после войны, мы получили отдельную квартиру на Беговой улице, и там же, в квартале от нас, поселились Есенины. После смерти отца я навещал их в Константиново. И теперь, посетив могилу отца и матери на Ваганьковском кладбище, я всегда захожу к белоснежному Сергею Есенину, неподалеку от которого лежат Александра Александровна и Петр Иванович, их сын Шурик, а также дочь Татьяна с мужем — гроссмейстером Сало Флором. Там же похоронен и Андрей Наседкин, сын Екатерины Есениной, с которым мы тоже дружили.

Мать Есенина, переехав в Москву, несколько раз заходила к нам. Ее беспокоило, что стихи Сергея Есенина перестали издавать. Отец, как мог, вел дело к тому, чтобы негласные запреты на произведения поэта, которого не переставали преследовать и после смерти, были сняты. Благодаря хлопотам группы писателей, в которую входил Петр Иванович, к печати был подготовлен однотомник стихов Есенина с предисловием критика Корнелия Зелинского, в котором доказывалось то, чего нормальному любителю поэзии вообще и доказывать не было необходимости, а именно, что Сергей Есенин — талантливый и глубоко народный поэт. Об этом отец сообщил Татьяне Федоровне, взглянувшей к нам.

— Петр Иванович, — ответила она, — у Сергея много стихов и все хорошие. Там книжек на шесть потянет.

Отцу было, конечно, понятно, к чему ведет речь Татьяна Есенина.

— Татьяна Федоровна, важно пробить эту стену. Верьте, выйдет этот сборник, следом за ним появятся подряд двухтомник, четырехтомник, а там и шеститомник поэзии Есенина. То, что позволяют себе в отношении Есенина — позор. Этому надо положить конец.

Позже все так и произошло. Мне тогда не были понятны многие причины ожесточенной борьбы вокруг Есенина и его творчества. Но

сила его стихов была очевидной. Помню, мы шли с сыном по Ваганьковскому кладбищу, и на одном памятнике были слова —

“Жизнь моя, иль ты приснилась мне?”

**Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.”**

— Папа, чьи это слова?

— Только один человек мог написать такое — Есенин.

Когда я читал: **“Край любимый! Сердцу снятся скирды солнца в водах лонных. Я хотел бы затеряться в зеленях твоих стозвонных”**, мне казалось, что в них слились земля и небо, отразились в зеленях твоих звуки лета. Такое мог написать только зрелый поэт. А ведь ему было всего восемнадцать лет!

И потом, доброта. К себе он был суров. А к другим у него была редкостная ласка и нежность. Сестре Шуры, которую он особенно любил, он посвятил немало стихов, полных улыбки и удивления.

Он любил красоту природы. Березки и клены были для него собеседниками, коровы и собаки — друзьями. Избы — родными. В заключительные годы жизни он писал: **“счастливы тем, кто целовал я женщин, мял цветы, валялся на траве и зверье, как братьев наших меньших, никогда не бил по голове”**. А что гордили его недоброжелатели?

**Есенин —
колоссальная
фигура русской
поэтической культуры,
ее непреходящая
национальная ценность.
Его талант отдан
России ради
нынешних и грядущих
поколений.**